

DOI 10.14746/ssp.2018.4.7

Александр Владимирович СКИПЕРСКИХ
[Aleksandr Vladimirovich SKIPERSKIХ]

Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики,
Пермь, Россия
ORCID: 0000-0001-8587-7415

Российская провинция: практики преодоления дефицита власти

Резюме: В данной статье автор, обращаясь к различным сюжетам русской культуры, рассуждает об особенностях функционирования институтов власти в российской провинции. С точки зрения автора, современные политические практики основываются на значительных культурных основаниях и специфическом отношении к провинции. Власть распределяется неравномерно, и это в полной мере сказывается на её дефиците применительно к провинциальному политическому дискурсу. Автор считает, что в российской провинции существует объективный дефицит институтов власти, говорящий, с одной стороны, об определённом пренебрежении провинцией со стороны власти, а, с другой стороны, свидетельствующий о силе сопротивления инициативам власти на местах и правовом нигилизме, ставшем частью мировоззренческой философии российского провинциала. Представленность человека самому себе определяет достаточно критическое отношение к власти. Человек больше не способен доверять институтам власти и искать у них поддержки. Политика федеральной власти в современной России порождает серьёзные разрывы между центром и провинцией, что не может не сказываться на специфическом восприятии самой власти, а также влияет на формирование анархических установок.

Ключевые слова: безвластие, власть, государство, провинция, русская культура

Политическое пространство и его структура: теоретическая интродукция.

Политическая власть присутствует везде, и нет такого дискурса, который был бы свободен от её установлений. От давления власти нельзя ускользнуть – власть настигает индивида практически в любом месте. Универсальный характер власти, следуя мысли Рола-

на Барта, раскрывается через её способность присутствовать «в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» (Барт, 1999, с. 547).

Внимательный взгляд может установить, что власть в политическом пространстве распределена не совсем равномерно. В каких-то случаях можно говорить о том, что она представлена в переизбытке, а где-то, наоборот, власть является недостаточной, что образует определённый дефицит. Наличие данного дефицита, в принципе, не всегда говорит о слабости власти, а лишь свидетельствует о «бессилии государства», выражающегося в недостатке административного потенциала, адекватного нормальному функционированию системы (Фукуяма, 2017, с. 163).

Неравномерность власти сказывается на организации политического пространства, обеспечивая некие проблемы для функционирования политических институтов. Проблемы значительно умножаются ввиду того, что политическое целое может состоять из многочисленных элементов, образующих пары оппозиций. Деление целого на две части гипотетически может предполагать дополнительные уточнения и новые деления.

В политической теории структурированность политического пространства доказывается различными теоретическими построениями.

Одна из самых популярных оппозиций в политическом дискурсе структурирует политическое пространство на *правое* и на *левое*. Имеющая многочисленные метафорические и феноменологические прочтения, данная оппозиция активно эксплуатируется в политическом дискурсе. Помимо противопоставления необходимости реформ – государственному этатизму, деление на *правое* и *левое* в политическом пространстве актуализируется применительно к идеологическому спектру, идентификации политических партий, программ и т.д.

В политическом пространстве можно отыскать *высокое* и *низкое*, утверждающееся, по словам немецкого теоретика культуры А. Ассман «насилованным путём» (Ассман, 2016, с. 184). Власть унаваливает «правила игры», определяет политический стиль и моду практически во всех политических дискурсах. Для власти характерен взгляд на общество сверху – вниз, в котором можно разглядеть элементы пренебрежительного барства. Всё чаще данная оппозиция раскрывает себя в случае российской политики, где инициативы власти всё больше и больше отчуждают элиту от общества. В качестве примера, вокруг которого выстроена данная статья, будет исполь-

зоваться президентская поправка в Лесной кодекс РФ, корректирующая понятие недревесных лесных ресурсов и регулирующая право их заготовки и вывоза из лесов. Разрешение на сбор валежника рассматривается как удивительная милость со стороны власти, как некая уступка обществу, постоянно испытываемому экономическими и политическими реформами. В любом случае, власть смотрит на человека сверху-вниз, заинтересованная в регламентации различных сторон общественной жизни. Что касается российской практики, то регламентация сбора валежника в лесах воспринимается обществом с достаточной долей скепсиса. Именно с подобной реакцией и связывается сквозная нить нашего рассуждения.

Политическое пространство может быть представлено через оппозицию *тёплое* и *холодное*. Наличие температурных полюсов имеет субъективное измерение, но, всё равно, в них находится что-то общее, позволяющее сформировать температурный режим власти, в целом. В частности, официальное пространство изначально воспринимается как *холодное* – недоброжелательное, казённое и бездушное по отношению к человеку (Нильсен, 2004, с. 184).

Политическое пространство может делиться на *тесное* и *широкое*. Двойственная природа власти, способной к постоянным метаморфозам расширения и сужения, проявляется в момент распространения на большое количество людей. В ограниченном пространстве (крупные города) власть может сужаться, концентрируясь на узких темах и спецификациях, излишне регламентирующих социальные практики, что, наоборот, невозможно себе представить на территориях с низкой плотностью населения, где власти бывает некогда заниматься рецепцией на местах федеральных «причуд».

Политическое пространство может испытывать географические наложения. Оси *Восток – Запад* и *Север – Юг* проходят через политику, привнося в политическое пространство специфическую традицию, тем самым, обеспечивая нас различными сюжетами, разводящим Восток с Западом и Север с Югом. В частности, демократия нарастает на Запад по горизонтальной оси, что некоторыми авторами связывается с оснащённостью западного мира знанием и желанием выступать его миссионером, распространяя его на Восток (Тодоров, 2010, с. 34).

Советский диссидент В. Буковский очень образно «схватывает» данную ситуацию в одном из автобиографических текстов, когда вспоминает о детях, стоящих вдоль железнодорожного полотна, и глядящих вслед поезду «с какой-то неизменной тоской, словно вся

жизнь прошла мимо» (Буковский, 1990, с. 463). После проводов поезда им снова придётся оставаться один на один с монотонностью и однообразием. Данная метафора является очень актуальной в случае современной России, когда из-за недоступности авиасообщения большей части россиян (из-за целого ряда экономических и географических причин), именно железнодорожное сообщение оказывается единственным инструментом социальной мобильности.

Автор не пытается строить иллюзий относительно того, что в условиях жёсткой политической экономии человеческое и общественное тело может сохранять свободу. Размеры свободы определяются властью, выработавшей в течение всего периода исторического развития отношение к своему бессильному объекту, как к «голому телу». Свобода как раз представляется способностью обеспечивать для самого себя максимальное присутствие в политическом пространстве. Отсюда, человек, бытующий в его протяжении «оказывается изначальным политическим элементом» (Агамбен, 2011, с. 118). Человек оказывается заключённым в политическом пространстве, периодически оказываясь в той или иной позиции, с одной стороны, как усиливающей его статус в диалоге с властью, так и значительно понижающей его. Жест российской власти, разрешающий собирать россиянам валежник, на наш взгляд, как раз является демонстрацией достаточно низких котировок отдельно взятого человека и его возможностей выступать самостоятельным субъектом в производстве политических практик.

Наконец, каждое политическое пространство структурируется на *центр* и *периферию* (провинцию). Политические свойства каждого из этих элементов проявляются в политическом процессе, и отмечают себя в культурном контексте. Данная оппозиция, рассматриваемая на примере практик российской власти, и интересует нас больше всего.

Наше внимание сосредоточено на том, как провинциальное пространство современной России становится объектом конкретных политик. Украшающим подтверждением наших выводов могут выступать некоторые сюжеты русской культуры.

Провинциал в столице: постижение империи

Человек встроен в политическое пространство, являясь его частью. Ввиду этого, он становится заложником политической власти, становясь зависимым от вырабатываемых ею «правил игры». При

этом, необходимо понимать, что бытие власти носит двоякий характер. С одной стороны, власть является уверенной в могуществе и все-сильности, восходящей к её фундаментальной природе. Уверенность власти в себе работает на её отчуждение и замыкание в себе. Власть может считать лишним необходимость постоянных демонстраций, она не может объективировать себя постоянно. Нужно отметить, что именно это и имеют ввиду некоторые политические философы, когда отмечают, что периоды «открытой демонстрации власти по продолжительности значительно короче, чем ее скрытое существование и функционирование» (Исаев, 2003, с. 546).

С другой стороны, власть нуждается в том, чтобы о ней постоянно помнили, что усиливает акцент на визуальной стороне политики. Власть нуждается и в одобрении собственных действий, что актуализирует необходимость политической легитимации проводимой политики. Особенно актуален вопрос постоянного присутствия власти в общественных умах в условиях информационного общества, в рамках которого существуют объективные проблемы с запоминанием информации. Подобные объективации отмечают присутствие власти везде, совпадая с границами политической сферы.

Наивысшая концентрация власти достигается в центре, где её инстанции заявляют о себе с наибольшей интенсивностью. Парламентские центры, посольства, резиденции, здания госкорпораций, офисы медиаконцернов, отелей, величественные театры, мемориальные зоны – всё это не может не говорить о тотальном присутствии власти в центре, и о продуцируемых ею архитектурных чудесах, приводящих в трепет зачарованного провинциала. В частности, подобная мысль развивается теоретиком культуры Германом Люббе, когда он приводит пример склонности различного типа политических режимов к необходимости конструирования того или иного архитектурного ландшафта (Люббе, 2016).

Российский опыт прекрасно демонстрирует, как архитектура становилась зависимой от политики, вбирая всё лучшее и грандиозное – авторитарные политии не могут функционировать по-другому. В России центром всегда являлись столицы империи. Имперская политика оставляет решение ключевых вопросов за собой, поэтому, столичные города и инстанции власти, расположенные в них, воспринимаются как те средоточья власти, от которых зависит судьба конкретного человека.

Человека, находящегося в центре, в столице, постоянно преследует государство. Волей-неволей он вынужден ощущать на себе его репрессивную массу, при этом оплачивая её аппетиты, выраженные в фискальной политике. Именно в столице достигается наивысшая концентрация насилия, раскрывающегося через функции институтов власти и представителей правящего класса. Государство постоянно актуализирует себя через репрессивные генерации, функционируя не только фронтально, но и исподволь. Бытие власти в «спящем» режиме может несколько обнадёжить объекта власти, сформировав иллюзорное ощущение свободы.

Вот почему провинциалу в русской культуре может быть некомфортно в столице. Очарование центром может быть отсрочено из-за неких вводных, шокирующих эффектов. Провинциал чувствует некий дискомфорт, возможно, связанный со зримо наличным и, настигающим его исподволь, давлением власти. Контрасты в русской культуре между столицей и провинцией чересчур остры – в империи не может быть иначе. Если в современной России зарплата московского учителя в 3 раза превышает зарплату уральского или сибирского коллеги, то, видимо, таким же контрастным может быть и ощущение от инфраструктуры столицы и провинции. Действительно, откуда в таком случае взяться цельному представлению о своём отечестве, если представления о России являются достаточно обрывочными и далеко не сопоставимыми. Возможно, именно подобные диссонансы заставили русского религиозного философа Василия Розанова однажды воскликнуть: «У нас слово «отечество» узнаётся одновременно со словом «проклятие»» (Розанов, 2000, с. 642). Провинциалу дорогого стоит полюбить столицу.

В советской культуре есть достаточно сюжетов, как приезжающий в столицу провинциал теряется на вокзале. Везде и во всём чувствуется большая жёсткость и холодность, противопоставляемая нестоличной теплоте и задушевности. Вот почему человека из провинции, полагающегося на себя и на своих близких, и привыкшего лишь минимально взаимодействовать с инстанциями власти, могут раздражать постоянные регламентации столицы – высокая скорость жизни, шум и сутолока, платные парковки и ограничения пешеходного движения, переносимые на всё столичное пространство, не говоря уже и о высоких ценах. Но система российской власти выстроена таким образом, что последняя надежда связывается всегда с центром, со столицей. Нужно отметить, что если в советской культуре, жиз-

ненно необходимые вопросы могли решаться в рамках регионов, то, сегодня, в России, все принципиальные вопросы решаются в Москве. В Москву стекаются трудовые и интеллектуальные ресурсы российской провинции в поисках лучшей жизни. Но и поиски лучшей жизни в российской столице превращаются в затратное мероприятие. Данные процессы, происходящие в российской культуре, являются справедливым отражением проводимой политики максимальной концентрации политической власти в Москве – центре империи, максимально вбирающей в себя ресурсы и человеческий потенциал для их обслуживания. Данные процессы являются ещё и противоположными тем, что могли характеризовать практики советской культуры и политики, когда система распределения кадров, наоборот, наполняла провинцию выпускниками столичных вузов, предоставляя им шансы реализовать свои жизненные стратегии на периферии. Подчас, это были вполне привлекательные предложения.

Нужно отметить, что в условиях постиндустриального общества, равно, как и в эпоху модерна, описываемую немецким философом Максом Шелером, провинциалу может уподобляться и обычный горожанин, с тоской вззирающий на достижения цивилизации, на бесконечные развлечения и сумасшедший жизненный ритм, только усиливающие в нём ощущение собственной ненужности (Шелер, 1999).

Отсюда, шоковый опыт взаимодействия со столичной культурой по-своему может актуализировать ценность провинции, где концентрация институтов власти, всячески регламентирующих индивида, кажется значительно более низкой. Провинция выступает спасительным, тихим местом. В провинции государство может несколько упустить человека из своего властного фокуса.

Подобное установление будет служить нам ориентиром в разбираемых нами кейсах, имеющих отношение к русской культуры.

Активность человека в провинции в тех сферах, в которых она невозможна в столичных пространствах, есть следствие безвластия. Отсутствие контроля над человеком провоцирует его на довольно свободный поиск форм существования. Лишь минимальное давление власти порождает свободу действия, не отвлекая человека необходимостью решать согласовательные вопросы и вступать в неравный контакт с бюрократической машиной. В провинции можно обойтись без этого контакта и пытаться жить за счёт того, что даровано тебе природой.

Что возможно на периферии – невозможно в центре, поэтому, по мере приближения к столицам, к центру власти, контроль над человеческим телом становится всё более пристальным, и человек не может не ощущать этого.

Дефицит институтов власти в российской провинции как политическая проблема

Как мы уже установили, пространство провинции является в меньшей степени интегрированным властью и наполненным её различными институтами. Их присутствие в провинции является подчас бессмысленным, поэтому их учреждение и содержание являются для экономной, в целом, власти непозволительной роскошью.

Показателен личный опыт автора во время предполётного досмотра в аэропорту г. Липецка. Маленькая комната досмотра, единственная рамка металлодетектора, тесный зал ожидания, в котором едва ли могут разместиться пассажиры только одного рейса, создают сутолоку и очереди, что заставляет малочисленный персонал закрывать глаза на отдельные процедурные моменты (снятие ремня, обуви и т.д.). Безусловно, это сложно представить в каком-нибудь столичном аэропорту, где требования к безопасности намного выше. Массу неудобств доставляет и доставка к борту самолёта на маленьком автобусе. Телетрап в аэропорту отсутствует. Купить новые автобусы, расширить персонал и сделать дополнительный коридор досмотра для администрации аэропорта бессмысленно и невыгодно, ведь аэропорт обслуживает лишь 2–3 рейса в день. Поэтому, аэропорт сохраняет себя в режиме советской экономии.

Подобный пример показывает, как сложно адаптируется провинциальное пространство под новые требования реальности, как «нехотя» учреждает власть в провинции дополнительные институты.

Вместе с тем, человек, оказывавшийся связанным с российской провинцией, испытывает подобный дефицит с момента рождения и до самой смерти. Бытие в условиях дефицита власти осуществляется на протяжении всего жизненного цикла и легко перепроверяется семейным опытом, рассказами знакомых и коллег, становясь специфическим жизненным правилом.

В России сложилось так, что человек зачастую предоставлен самому себе, решая проблемы без поддержки властных инстанций

и существующих институтов – специфических «правил игры», либо сознательно минуя их. Провинциальное бытие выглядит как раз именно таким. Дефицит инстанций власти приводит к ситуации, когда из провинции нужно куда-то ехать, чтобы решить элементарный вопрос, связанный с существованием человека.

Применительно к провинции дефицит власти сказывается в отношении практически всех институтов.

Так, дефицитом обладают сами политические институты. Зачастую, в российской провинции бывает сложно организовать избирательные кампании, найти подходящих, с определённым уровнем образования людей, в состав избирательной комиссии, чисто формально обеспечить минимальный состав депутатского корпуса (подчас, различные функции могут исполнять одни и те же люди). Отсюда, нет ничего удивительного в том, что власть сверху может не замечать провинцию по причине отсутствия в ней должного социального потенциала. Отсроченная газификация отдалённых деревень уже перестаёт быть политическим вопросом, потому как не грозит власти подрывом легитимности. Вряд ли кто-то на периферии будет активно сопротивляться – проводить митинги и громко сигнализировать о своих проблемах в глобальной сети. Власть прекрасно понимает это, сосредотачиваясь на других целях. В современном мире интересны большие объёмы и пропорции, да и власть сама мыслит масштабно.

Политические институты представляют политические организации, осуществляющие легитимное насилие. В данном случае, в провинции может также отмечаться дефицит репрессивных структур, отчётливо проявляющийся в кризисные периоды, что может позиционировать в качестве достаточно заманчивого локуса для аккумуляции различных инициатив, связанных с политическим сопротивлением (Skiperskikh, 2014). В современной России ситуация складывается таким образом, что высокая миграция в Москву и крупные города создаёт проблему для кадрового наполнения репрессивных структур. Что-то подобное можно отметить и на примере учителей, врачей и представителей различных социальных служб, которым, следуя Мишелю Фуко, как раз представлена функция «наблюдения за индивидами» (Фуко, 2005, с. 26). Об этом, кстати, говорят и теоретики неоинституционализма, отмечая, что «чем больше размер общества, тем больший набор лиц, обеспечивающих соблюдение правил, необходимо, так или иначе, организовать» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 61). Укрупнение центра объективно создаёт

подобную проблему, которая постепенно превращается в проблему политическую. Таким образом, провинциал может постепенно высвобождаться из-под политического давления и всё чаще оставаться наедине со своими проблемами.

Власти в провинции всё сложнее удерживать население от искушения отправиться в вынужденную миграцию в Москву и другие крупные города. У автора нет ощущения, что эффективно срабатывают федеральные программы «Земский доктор», «Дальневосточный гектар» и т.д., призванные максимально обогатить российскую провинцию трудовыми и интеллектуальными ресурсами. Дефицит кадров не может не выступать следствием дефицита самих институтов.

Специфика провинциального пространства такова, что дефицит могут испытывать и правовые институты. Человек в провинции совершенно иначе может представлять себе правовые нормы, нежели столичный житель. Правовой нигилизм может быть и рационально объясним. Сложно представить, как смог бы выжить в непростых условиях обычный житель российской глубинки, если бы ему пришлось чётко следовать инструкциям власти – платить все налоги и просить разрешения собирать валежник – специфическое название недревесных лесных ресурсов, сбор которых требует согласования с местной властью и может являться формой предпринимательской деятельности. Довольно нервозно может восприниматься в провинциальной общественностью и новый законопроект, предполагающий, что могут быть наложены ограничения на продажу излишков сельскохозяйственной продукции.

В информационном дискурсе современной России периодически возникают сюжеты, раскрывающие особенности провинциальной жизни, контрастирующей со столичными практиками. Быт человека в провинции весьма скромен и суров. Привыкшего к достижениям цивилизации жителя мегаполиса могут шокировать примеры, как жители отдалённого посёлка сами сделали дорогу, мост через реку, нашли способ добираться в районный центр на дрезине по заброшенной узкоколейке, свидетельствующие о силе сопротивления сложным жизненным обстоятельствам.

Данные инициативы основаны на правовом нигилизме. В противном случае, у провинциала просто не хватит сил и средств согласовывать различные аспекты своей жизнедеятельности с бюрократической машиной. Так, люди остаются в провинции, а, власть, наоборот, уходит из неё, тем самым, несколько отпуская свою хватку.

Что-то подобное можно найти и на примере западных политических традиций, когда связанность с установлениями власти могла ослабевать за счёт относительно свободного существования в конкретной локальности. Занятость человека означала выживание, в рамках которого огромным значением обладали «находки или открытие чего-либо» (Kolchin, 2003, с. 6).

Данные примеры будто бы намекают на определённую автономность провинции, её замкнутость в себе. Во многом это является характеристикой её экономических институтов, противопоставляемым тем, которые могут существовать в центре. В провинции в меньшей степени может быть развит кредитный и страховой рынок, туда неохотно идут федеральные торговые сети ввиду высоких издержек, провинцию не спешат обслуживать транспортные перевозчики.

Тем не менее, несмотря на видимые проблемы, провинция может выглядеть достаточно спасительным местом в период политического кризиса. Конкурентные преимущества перед столицами выглядят очевидно.

«Люди в городах были беспомощны, как дети перед лицом ближащейся неизвестности», — отмечает последствия политического кризиса накануне революции 1917 г. Борис Пастернак в «Докторе Живаго» (Пастернак, 1989, с. 144).

В русской истории есть немало примеров, когда столичные жители в голодное время могли отправляться в провинцию в поисках средств существования. В частности, известен автобиографический текст русской поэтессы Марины Цветаевой «Вольный проезд», где в период революционной нестабильности, под предлогом исследования кустарных вышивок Тамбовщины, поэтесса отправляется в провинцию менять ткани на крупу.

Кризис социальной сферы не может так же сказываться на провинции, где определённо ослабевают влияние *социальных* институтов. В современной России из провинции нужно уехать, чтобы получить образование. Малокомплектные сельские школы оказываются неэффективными, и власти дешевле создать проект «Школьный автобус», чтобы отвозить детей из постепенно умирающих деревень в более или менее крупные школы. Подобная проблема кажется довольно характерной для России. В своё время в рыбном обозом из поморской деревни пришёл получать образование Михаил Ломоносов. Если ты молодой провинциал, то тебе, рано или поздно придётся реализовать свои образовательные стратегии в большом городе. Егорушка – герой «Степи»

Антон Чехов несколько дней едет до места своей будущей учёбы с ярмарочным обозом. За это время ему ни разу не пришлось вступить в контакт с политическими институтами – вокруг него только степь, унылая провинциальная реальность. Российская провинция показывается А. Чеховым как пространство безвластия, где институты власти либо отсутствуют, либо не работают. Власть природы выглядит более сильной инстанцией, а отсутствие институтов власти создаёт анархическую ситуацию, вырабатывающую специфические «правила игры».

Теряя школу, и возможность влиять на человека в рамках образовательного института, провинция теряет политическую прозрачность, в которой эмиссарами власти выступают школьные учителя, директор и т.д. Нужно понимать, что именно они помогают власти в рамках избирательных кампаний, проводя различные мероприятия, тем самым постоянно мобилизуя население в рамках популярной политики.

Кризис социальной функции государства остро ощущается в провинции и в тот момент, когда человеку необходимо получить медицинскую помощь. Больницы и поликлиники укрупняются, расстояние до них увеличивается, что постепенно затрудняет доступ провинциалам к качественной медицинской помощи.

Следы оптимизации можно обнаружить и в значительном сокращении автобусного и железнодорожного сообщения, переносе остановок, либо, вообще, упразднении их, что, безусловно, по-новому структурирует социальное пространство провинции. Наличие регламентаций всегда связано с властью. Теперь складывается ощущение, что власть медленно отпускает человека, оставшегося в провинции. Дефицит инфраструктуры может восполняться за счёт людской предприимчивости и через доверие людей друг к другу.

Сегодня красноречивым свидетельством заброшенности российской провинции могут служить кое-где до сих пор сохранившиеся таксофоны. Тем самым, будто бы показывается архаический характер провинции, её неспособность быстрой адаптации к новым вызовам информационного общества.

Икона и топор: о двух альтернативах русской культуры

В русской культуре опыт контактов с государственной машиной может быть обжигающим для индивида. Первый опыт с практиками функционирования государственных институтов практически сразу

же может маргинализировать человека, оттеснив его на периферию. Государство изначально выглядит авторитетным партнёром, но на деле, зачастую, ожидания не соотносятся с полученным результатом.

Неудовлетворённость человека от взаимодействия с инстанциями власти зачастую оборачивается радикализацией его намерений. Американский исследователь Т. Гарр, изучая истоки практик сопротивления, как раз обращал внимание на их прямую связь с ситуацией, когда присутствует разрыв между ценностными ожиданиями (Гарр, 2005). Неудовлетворённые ожидания, накапливаясь, значительно способствуют созданию революционной ситуации, о чём когда-то говорили и классики марксизма.

Озвученная мысль близко соотносится с «воровскими шатаниями» и в стремлении к вольной разбойничьей жизни, к романтизации воровской эстетики. На данную сторону русской культуры обращал внимание И. Бунин в «Окаянных днях» (Бунин, 1991, с. 91). Подобные увлечения разбойничьими сюжетами есть и в европейской культуре, и именно они составят целый литературных пласт эпохи романтизма. По этому поводу, на наш взгляд, замечательно высказался Михаил Бахтин, отметив, «приключения правды на земле происходят на больших дорогах, в лупанариях, и воровских притонах, в тавернах, на базарных площадях, в тюрьмах» (Бахтин, 2017, с. 171).

Безусловно, у подобной тенденции могут существовать и политические предпосылки. Романтические герои, прототипами которых выступают реальные люди, всегда бросают некий вызов власти и её институтам, значительно расходясь с ними в концептуальных вопросах. В практиках бунтующего человека, бросающего вызов власти, много авантюрного начала. Поиски справедливости осуществляются с риском для жизни, и ради них нужно преодолевать огромные расстояния. Наряду с разбойниками, в русской культуре в силуэтах скитальцев зачастую можно различить, как революционеров-народников, так и сектантов, увлечённых «народным» православием. Осуществляя свои практики, они, как правило, минуют инстанции власти, не соприкасаясь с ними. Они являются настолько самостоятельными, что представляют собой власть, подчиняя себе умы многочисленных сторонников и симпатизантов. Что-то подобное можно найти в фигуре Льва Толстого. Чем значительнее фигура, представляющая альтернативное начало, тем легче определять её в политическом дискурсе. Зачастую, неофициальная и официальная истории могут соседствовать друг с другом, или даже вступать в ситуацион-

ное взаимодействие. Власть периодически контактирует со своими народными оппонентами из провинции, будто бы отдавая себе отчёт в их мистической природной подпитке. Таковы в русской истории случаи Кондратия Селиванова и Григория Распутина.

В целом, человек в провинции не выглядит защищённым, тем более, если это изначально «маленький» человек, доступный для оскорблений, и обмана. Жаловаться на шатающихся людей ему некому. Незавидная участь подобных чиновников, находящихся внизу бюрократической иерархии, и периодически сталкивающихся со спесивыми проезжими, уже отмечалась Юрием Лотманом (Лотман, 2017). Таков, скажем, сюжет «Станционного смотрителя» Александра Пушкина, где ротмистр Минский, понимая беспомощность старика-смотрителя, увозит от него дочь. Зброшенность провинции, её удалённость от столиц, как правило, означает её существование в совершенно иной правовой, политической и экономической реальности, что уже отмечалось выше.

Пространство русской культуры достаточно широко, чтобы в необходимый момент времени вдруг обеспечить бунтующему человеку открывающие горизонты для продвижения вперёд. В русской культуре неожиданная мобильность, сопрягающаяся с поисками справедливости, может стать ответом на длительный период пребывания, судя по Александру Блоку, в «аполлоническом сне». По мнению А. Блока, Россия представляется спящей равниной, способной в любой момент преобразиться и отдаться бесконечному движению, когда «пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощённые Богородицы, пойдут с холмов, и озёра выйдут из берегов, и реки обратятся вспять» (Блок, 1962, с. 356–357).

Таким образом, можно выделить две вероятные стратегии поведения, характерного для провинциальных обществ. С одной стороны, в русской культуре провинция вмещает в себя оскорблённых и униженных людей, не защищённых правом и институтами власти, как будто бы изначально располагающих более влиятельных акторов к производству практик насилия в каких-либо формах. Данные люди подчинены религиозному сознанию, предполагающему высочайшую терпимость и сдержанность. С другой стороны, недостаток власти и постоянного репрессивного давления могут высвобождать человека, способствуя его самостоятельным практикам. Отсюда, в русской культуре, в её провинциальном локусе, могут возникать фигуры типа Емельяна Пугачёва.

Так, из куска дерева может одновременно явиться и икона и топор. Равно, как и в первом, так и в другом случае, может существовать вероятность активизации протестного потенциала, связанного с конечностью терпения и ограничениями анархических практик жизнедеятельности.

Российская провинция как пространство безвластия во многом наследует свои специфические черты от русской культуры, располагавшей её в подчинительном положении относительно столицы. Дистанцированность и маргинальность провинции, по своему сказываются на практиках политической организации, когда дефицит власти становится обычным явлением. Данный дефицит представляется двояко, обеспечивая провинциальному сообществу, как дополнительную уязвимость, в связи с его бесправностью (право на сбор валежника), так и определённую свободу действия, которая может отсутствовать в пространствах, где политический контроль является несоизмеримо высоким.

Таким образом, в существующей политической реальности кажется вполне закономерным, что дефицит власти в российской провинции справедливо порождает альтернативные институты, замещающие собой власть, и в силу этого обстоятельства, наделяющих более высоким доверием, нежели институты официальной власти.

Библиография

- Агамбен Д. (2011), *HomoSacer. Суверенная власть и голая жизнь*, Издательство «Европа», М.
- Ассман А. (2016), *Новое недовольство материальной культурой*, Новое литературное обозрение, М.
- Барт Р. (1989), *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Прогресс. Универс., М.
- Бахтин М. (2017), *Проблемы поэтики Достоевского*, Азбука-классика, СПб.
- Блок А. А. (1962), *Собрание сочинений в 8 томах*, Т. 5, Государственное издательство художественной литературы, М.
- Буковский В. (1990), *«И возвращается ветер...». Письма русского путешественника*, Демократическая Россия, М..
- Бунин И. А. (1991), *Окаянные дни*, Молодая гвардия, М.
- Гарр Т. (2005), *Почему люди бунтуют*, Питер, СПб.
- Исаев И. А. (2003), *Politica Hermetica: скрытые аспекты власти*, Юрист, М.

- Лотман Ю. (2017), *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века)*, Азбука, СПб.
- Люббе Г. (2016), *В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем*, Изд. Дом Высшей школы экономики, М.
- Нильсен Ф. С. (2004), *Глаз бури*, Алетейя, СПб.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. (2011), *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*, Издательство Института Гайдара, М.
- Пастернак Б. (1989), *Доктор Живаго*, Книжная палата, М.
- Розанов В. (2000), *Метафизика христианства*, АСТ, М.
- Тодоров Ц. (2010), *Дух Просвещения*, Московская школа политических исследований, М.
- Фуко М. (2005), *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*, Часть 2, Праксис, М.
- Фукуяма Ф. (2017), *Сильное государство*, АСТ: АСТ, М.
- Шелер М. (1999), *Ресентимент в структуре моралей*, Наука, Университетская книга, СПб.
- Эткинд А. (2013), *Хлыст: секты, литература и революция*, Новое литературное обозрение, М.
- Agamben D. (2011), *HomoSacer. Sovereignty and a bare life*, Izdatel'stvo «Evropa», Moscow.
- Skiperskikh A. (2014), *The right to revolt: the European and Russian context*, «Przegląd Politologiczny. Political Science Review», nr 3.

The Russian Province: the Practice of Overcoming the Power Deficit

Summary

In this article, the author, addressing different aspects of Russian culture, tries to understand how the institutions of power can function in the Russian provinces, and how they can be perceived by society. Power is distributed unevenly, which results in its deficit. From the author's point of view, modern practices may have an important cultural basis, involving a special relation to the province, which has traditionally been reflected in political discourse. The author believes that in the Russian provinces, there is an objective power deficit in institutions, which speaks, on the one hand, of a certain disregard for the province, and, on the other hand, testifies to the strength of the resistance to local initiatives and the legal nihilism that has become part of the philosophy of the Russian provincial. This in turn affects a fairly critical attitude towards the political power. A person is no longer capable of trusting the authorities and seeking support from them. The policy of the federal government in modern Russia gives rise to serious gaps between the center and the

provinces, which can lead to a specific perception of power itself, and also lead to the formation of anarchic attitudes.

Key words: anarchy, power, state, province, Russian culture

Rosyjska prowincja: praktyka pokonywania deficytu władzy

Streszczenie

W artykule autor, odwołując się do rozmaitych aspektów kultury rosyjskiej, próbuje zrozumieć jak instytucje władzy mogą funkcjonować na rosyjskiej prowincji i jak mogą być postrzegane przez społeczeństwo. Władza jest rozłożona nierównomierne, co powoduje jej deficyt. Z punktu widzenia autora współczesne praktyki mogą mieć istotne umocowanie kulturowe, obejmujące szczególnie stosunek do prowincji, tradycyjnie znajdujący odzwierciedlenie w dyskursie politycznym. Autor uważa, że w przestrzeni rosyjskiej prowincji istnieje obiektywny deficyt instytucji władzy, który z jednej strony mówi o pewnym lekceważeniu prowincji, a z drugiej świadczy o sile oporu wobec inicjatyw lokalnych i nihilizmie prawnym, który stał się częścią filozofii mieszkańca rosyjskiej prowincji. To z kolei wpływa na dość krytyczny stosunek do władzy politycznej. Osoba nie jest w stanie bardziej zaufać władzom i uzyskać od nich wsparcia. Polityka rządu federalnego we współczesnej Rosji powoduje poważne różnice między centrum a prowincją, które mogą wpływać na specyficzne postrzeganie samej władzy, a także na kształtowanie postaw anarchistycznych.

Słowa kluczowe: anarchia, władza, państwo, prowincja, kultura rosyjska

